

Alexandr Savchenko <https://orcid.org/0000-0002-4337-9925>

Uniwersytet Państwowy Chengchi (Tajwan)

e-mail: savchenko75@mail.ru

Mikhail Khmelevskiy <https://orcid.org/0000-0002-1980-5453>

Petersburski Uniwersytet Państwowy (Rosja)

e-mail: chmelevskij@mail.ru

Текст современного гимна Украины как историко-культурологический лингвистический код

Аннотация

В данной статье представлен лингвистический и культурологический анализ текста современного гимна Украины: лексической образности и метафоричности, которые в нем заключены, а также дается исторический фон его создания и описывается «портрет» личности автора – П.П. Чубинского, сыгравшего большую роль как для укрепления украинского национального самосознания, так и для российской историографической и этнографической науки. Особое внимание в работе уделяется лингвокультурологическим аспектам, помогающим осознать смысл и суть текста стихотворения, который стал одним из символов независимой Украины, а частично – и прецедентным феноменом в современном русском дискурсе. В исследовании поставленный вопрос рассматривается также и в контексте общеевропейской культуры – французской, польской, русской, словацкой, сербской и хорватской, – без которой невозможно осмыслить глубину этого текста, сотканного из множества историко-культурологических и панславянских ассоциативных отсылок, сокрытых под каждой строкой текста этого поистине уникального художественного произведения. Освещению этих вопросов посвящено настоящее исследование.

Ключевые слова: гимн Украины, история создания, П.П. Чубинский, прецедентный текст, украинский язык, славянские языки, культурология

Стихотворение, которое легло в основу современного гимна Украины, равно как и исторические предпосылки его создания, представляют собой историко-культурологический и лингвистический интерес для детального исследования и анализа глубинной сути смыслов и образов, заложенных в него украинским автором польского происхождения Павлом Платоновичем Чубинским – энциклопедистом, этнографом, историком, географом и исследователем Русского Севера.

Возникновение поэтического произведения, первые два куплета которого стали национальным символом современной независимой Украины (наряду с флагом и гербом), овеяно многочисленными легендами и мифами, однако в данной статье мы опираемся лишь на факты, зафиксированные современниками Чубинского, а сам его текст непосредственно анализируется нами исключительно с лингвистической и лингвокультурологической точек зрения. В центре нашего внимания находится малоисследованный текстологический материал, который при более глубоком рассмотрении оказывается прецедентным, концептуально маркированным и весьма узнаваемым не только для украинцев в современном восточнославянском мире, но и за его пределами – для многих славян, представляющих обширную географически и весьма разнородную культурно-исторически территорию всей Славии (Pax Slavia).

Для начала обратимся к истории возникновения этого прецедентного текста украинского гимна и к фоновым общекультурным зарисовкам того времени, без которых невозможно максимально глубоко проникнуть в его суть, понять символику и с филологического ракурса проанализировать ассоциативный ряд, целую палитру сложных метафорических образов и заложенных в него смысловых кодов.

Для начала представим экстралингвистический – историко-культурологический фон возникновения анализируемого текста. П.П. Чубинский родился в Полтавской губернии, в селе Чубинка (ныне г. Борисполь Киевской области). Выходец по происхождению из обедневших польских дворян, Чубинский был хорошо знаком с российской, украинской, польской и европейской культурами. В середине XIX в. он являлся довольно авторитетной фигурой в богемных кругах Киева. На своих сходках и вечеринках он собирал не только представителей русской и украинской, но также польской и сербской студенческой интеллигенции, т.е. представителей всех тех народов, которые в то время вынашивали идеи панславизма и борьбы за свою независимость, поскольку все они входили в состав либо Российской, либо Австро-Венгерской, либо Османской империй, либо Пруссии [Драгоманов/ Dragomanov: 1991 12, с. 51].

На одном из таких собраний, проходившем в Киеве (как правило, такие встречи были полулегальными и проходили на частных квартирах их участников), родился многокуплетный стих, мгновенно разошедшийся и ставший популярным среди украинофильских кругов Центральной и Западной Украины, который начинался словами «*Ще не вмерла, Україно, і слава, і воля...*». Текст этого стихотворения в 1863 г. был опубликован в журнале «Мета» во Львове, а позднее положен на музыку вдохновленным его словами композитором, греко-католическим священником – отцом Михаилом – М.М. Вербицким, и в песенном варианте был впервые исполнен в 1865 г. в Польше, в зале духовной семинарии в г. Пшемышле (Перемышле). Это

произведение довольно быстро стало популярным среди украинской общественности (хотя некоторое время и вызывало критику отдельных ее представителей).

Авторство самого текста гимна довольно продолжительное время «стереотипно» приписывалось Т.Г. Шевченко по целому ряду причин: 1) культ поэта на Украине, 2) в тексте много символов, соотносимых с Полтавской губернией, – родиной Т.Г. Шевченко, 3) Сходство основных поэтических черт и мотивов произведений Шевченко и текста Чубинского; 4) популярность музыкального оформления текста: благодаря музыкальному мотиву Вербицкого уже в начале XX века произведение оказалось знаковым и прецедентным на Западной Украине, в частности – в Закарпатской Руси, где оно стало ее официальным гимном.

Первые строки своего стихотворения П. П. Чубинский заимствовал из польского «Марша Домбровского» (Mazurek Dąbrowskiego): *Jeszcze Polska nie zginęła*, и в украинском варианте они стали не просто названием гимна, но и крылатой фразой «*Ще не вмерла Україна...*» В этой же связи можно вспомнить и гимн иллирийского движения в Хорватии в XIX в.: *Još Hrvatska ne propala* [Đukanović: 2015 s. 50]. Отметим также, что в то время это уже был очень узнаваемый и символически наполненный текст, который вызывал общественный резонанс, патриотические чувства и ассоциировался с идеей борьбы за независимость славянских народов, находившихся под властью «неславянских» держав. В данной связи упомянем и тот факт, что Украина, как и Польша, была поделена между Российской, Австро-Венгерской империями и Пруссией, что побудило Чубинского позаимствовать первую фразу из «Марша Домбровского», написанного польским поэтом Ю. Выбицким в 1797 г. под влиянием французской «Марсельезы». Для большинства славян, мечтавших о своей независимости, этот марш в то время был довольно значимым и хорошо известным произведением, он был создан после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г., и легионы польских беженцев в Италии, организованные племянником последнего польского короля Яном Генриком Домбровским (при поддержке Наполеона), надеялись восстановить целостность и обрести свободу своей страны. Именно этот факт влияния «Марсельезы» на создание Ю. **Выдубицким** стихотворного произведения, ставшего впоследствии гимном Польши, в котором мы, в частности, находим такие слова: «*Przejdziem Wisłę, przejdziem Wartę, będziemy Polakami*», несомненно, вдохновили и украинца П. П. Чубинского для написания следующих строк, явно навеянных польским текстом: «*Станем, браття, в бій кривавий від Сяну до Дону*», а также «*І покажем, що ми, браття, козацького роду*». Здесь очевидно прочитывается сходный с польским гимном аллегорический образ. Фраза *від Сяну до Дону* стала прецедентной для патриотически настроенных кругов Украины и остается ей до сих пор, хоть и с несколько политически окрашенным смыслом – «великая и неделимая Украина». Однако в обиходном сознании украинцев она не несет в себе какой бы то ни было националистической окраски и употребляется в значении «везде, от Львова до Харькова, от Одессы до Киева» (ср. концептуальный текст из советской песни «*От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей*» или патриотической песни бывшей Югославии, популярной до сих пор – «*Od Vardara pa do Triglava – Jugoslavija*», где Вардар – река в Македонии, а Триглав – горная вершина в Словении).

Под влиянием того же «Марша Домбровского» словацкий священник С. Томашик в XIX в., одухотворенный идеями панславизма, пишет стихотворение «Hej, Slováci», которое впоследствии было переведено на все славянские языки и стало широко известно под названием в русском переводе как «Гей, Славяне!». Этот текст был даже утвержден в качестве официального гимна в социалистической Югославии во времена правления Й. Броз Тито [Đukanović: 2015, s. 51], а также гимна независимой Словакии в середине XX в. [Князькова/Кnyazkova: 2019, с. 79].

Узнаваемость этих мотивов в то время, а также распространенность и популярность идей панславизма в кругах славянофилов вдохновили П.П. Чубинского на создание своего собственного произведения, в котором мы встречаем, в частности, слова *Гей-гей, браття, Нумо братися за діло*, официально не вошедшие в текст современного гимна Украины, но являвшихся частью оригинального стихотворения (ср. слова официального гимна Югославии до 2003 г.: *«Хей, Словени, јоште жије Дух наших дедова, Док за народ срце бије Њихових синова»* с вольным переводом (или, как в лучае с польским гимном – сходный метафорический образ) украинского текста Чубинского: *«Ляжем головами, Назовемся України вірними синами»* [СУМ/SUM: 1977, с. 618; 12, с. 53].

На одном из своих собраний, в которых участвовали сербские студенты Киевского университета, Чубинский услышал в их исполнении песню, положенную на слова С. Милетича – сербского писателя, общественного деятеля и патриота сербского народа, также разделенного между Османской и Австро-Венгерской империями. Строки этой радикально патриотической для того времени и широко известной на Балканах песни *Срб се бије и крв лије за своју слободу* вдохновили Чубинского на создание еще одного куплета в своем тексте: *Душу й тіло ми положим за нашу слободу*, который стал и до сих пор остается прецедентным в украинском языке и историко-культурологическом сознании народа. Стоит отметить, что в то время сербское национальное движение и борьба за независимость южнославянских народов были довольно популярны среди украинофилов: «Київськи та одеськи українці дуже цікавились сербським повстанням»; «Герцеговина – антитурецкое восстание – нашло отклик на Украине, которая была между Российской империей и Австро-Венгрией. В Киеве, Харькове, Екатеринославске собирали деньги и отправляли добровольцев», – писал украинский ученый-историк М.П. Драгоманов [Драгоманов/Dragomanov: 1937 с. 74]. Отметим, что два брата П.П. Чубинского принимали участие в борьбе сербов за свою независимость, поэтому эта тематика для него была очень близкой и знакомой не понаслышке.

Официально утвержденный современный гимн Украины представляет собой, во-первых, выборку двух куплетов из полного текста П.П. Чубинского, а во-вторых, частично отредактированный в 1992 и 2003 гг. Верховной Радой его изначальный текст, а именно начальная строка *Ще не вмерла Україна, ні воля, ні доля* была откорректирована и заменена на слова *Ще не вмерла України ні воля, ні доля* [Закон України/Zakon Ukrainy: 2003, с. 163]. Эта строка (причем «стереотипно» преимущественно в первом варианте) стала прецедентной как в украинском, так и современном российском дискурсе даже в усеченном виде благодаря своей узнаваемости

и ассоциативному ряду, который она вызывает в сознании обоих народов – *Ще не вмерла...* Она со временем фразеологизировалась в языке и часто обыгрывается в разговорной речи или языке СМИ, напр.: *Ще не вмерла наша слава*; прецедентно-фразеологизированное выражение *Ще не вмерла козацька мати*; или ассоциативная языковая игра слов, или трансформированная (квази-) цитата *Ще не вмерла медицина, ні лікарська воля* и т.д.

Таким образом, в действительности, из стихотворения П.П. Чубинского в текст современного официального гимна страны вошли лишь первые два куплета, однако за каждой фразой кроется глубокий смысл, который требует особого лингвокультурологического осмысления. Приведем для иллюстрации ряд непосредственных примеров текста. *Згинуть наші вороженьки (или в современной украинизированной версии воріженьки) як роса на сонці* – очень узнаваемый народный фразеологизм в украинском языке, образ, который трудно переводится на русский язык и не имеет аналогов во многих других славянских языках. Если в русском роса ассоциируется со свежестью, утренней прохладой, чистотой, то в украинском, помимо этого же значения, мы находим образ ее моментального исчезновения при восходе жаркого летнего солнца. Отсюда метафорический перенос значения украинского фразеологизма «моментально, быстро, сразу». Если в русском сознании роса на солнце – блестит, то в украинском она исчезает. Разница и трудность перевода заключается именно в образном насыщении этого устойчивого выражения в русском и украинском языковом и мировоззренческом сознании носителей разных национальных менталитетов.

Нельзя также обойти вниманием и вопрос переводимости на русский и другие славянские языки фразы *Запануєм і ми, браття, у своїй сторонці!* Речь идет о семантическом наполнении глагола *панувати* и его концептуальном различии в русском и украинском языковом ассоциативном мировосприятии этого образа. В научных дискуссиях современные российские лингвисты предлагали такие варианты перевода, как «царствовать», «править», «властвовать», тогда как в украинском сознании данная лексема несет в себе сему «навести порядок и с наслаждением отдыхать от проделанной работы» (ср. разг. укр. *зранку прополола огород, квіточки полила – тепер можу панувати; повибивала килими, повбиралася в хаті, намила посуд – зараз собі паную на лавочці на дворі* и т.п.). Аналогичный украинскому ассоциативный ряд находим и в белорусском контексте, который далеко не совпадает с русскими приведенными выше семантическими оттенками. Русских исследователей и переводчиков «сбивает с толку» значение слова *пан*, от корня которого и образован данный глагол, обычно переводимое на русский как «господин» – отсюда и возникают именно такие, концептуально не сопоставимые варианты перевода на русский, типа *господствовать, царствовать, править* и т.п., в то время как одно из значений глагола *панувати* в украинском языке – «наслаждаться после проделанной работы», и именно в этом значении данный глагол использован автором в тексте гимна.

Хотя тема врага-чужеземца в текстах национальных гимнов была и остается актуальной – образом врага часто подчеркивались национальные патриотические идеи (например, строки французского гимна: *Quoi! des cohortes étrangères Feraient*

loi dans nos foyers! – букв. «Нет! чужеземные когорты Нам не навяжут законов»; польского: *Niemiec, Moskal nie osiedzie, Gdy jąwszy palasza*, т.е. «меч, кинжал, сабля»; словацкого: *Boh je s nami: kto proti nám, toho Parom zmetie*, а также напомним текст дореволюционного гимна России: *Царствуѣй на страх врагам, Царь православный!*) [Савченко, Хмелевский/Savchenko, Khmelevskiy: 2008, с. 617].

Здесь следует пояснить концепт «москаль» в его украинском восприятии. Сегодня это политически окрашенное слово во времена Чубинского таковым не являлось. В рамках оппозиции «свой – чужой» возникает понятие «москаль», которое изначально получило негативную стилистическую окраску, но не по отношению к русскому народу (как опять-таки ошибочно и по незнанию оно приобрело пренебрежительное значение этнонима и обросло целым рядом известных нам коннотаций и стилистических оттенков), а по отношению к пришлому, чужому. Кто был «москаль» для Галичанина или жителя Правобережной Украины, вошедшей в эпоху Б. Хмельницкого в состав Российской империи? – это солдат царской армии, т.е. чужой. В сознании простых обывателей стала формироваться коннотация «своего, знакомого, локального и чего-то постоянного и надежного» в противопоставлении чему-то чужому, не совсем понятному (что в этнологии всегда приобретает негативную окраску) и непостоянному, временному. Им для украинца стал русский солдат, который прибывал служить на определенное время, по окончании которого отбывал на родину, т.е. это просто «пришелец». Обычный украинец вплоть до конца XVII в. и позже (за исключением интеллигенции) ввиду своей самобытности, этнической замкнутости сознания и крестьянского уклада жизни слабо знал Россию и мало интересовался ею, следовательно, никак не мог воспринимать ее своим центром, как бы категорично в дальнейшем это идеологически не навязывалось в исторической и этнографической науке. «Москаль» для украинца был человек из Московии, т.е. московских княжеств (поскольку Русью в то время называли регион Закарпатья, ср. этноним «русин»), а именно – солдат. Подобное восприятие прекрасно иллюстрируют начальные строки поэмы «Катерина» Т.Г. Шевченко: *«Кохайтесь, чорнобриві, Та не з москалями. Бо москалі – чужі люде, Роблять лихо з вами. Москаль любить жартуючи, Жартуючи кине; Піде в свою Московщину, А дівчина гине...»*, *«Ота Оксаночка в поход за москалями та й пропала»*... И если отбросить современные негативные коннотации и воспринимать слово «москаль» не как этноним, а как значение «пришлый, ненадежный и непостоянный», мы глубже поймем содержание поэмы и слова поэта (который, кстати, на себе пережил подобное) о том, что речь идет о солдате, который соблазнил сельскую девушку, опозорил ее, бросил и уехал по долгу службы назад в Россию. Таким образом, Шевченко пишет не о том, чтобы украинки не любили русских, потому что *русский «любит шутя»* – как это ошибочно воспринимается многими. Поэт имеет в виду – «не любите *солдата*, т.к. его любовь недолговечна и он обязательно рано или поздно бросит», что в сельском сознании является клеймом на всю жизнь для девушки, которая забеременела вне брака. *«Полюбила москалика...»* – т.е. в значении «полюбила солдата», а не то, как нередко сегодня может быть истолкована эта строчка; поэт отнюдь не имеет в виду тот ассоциативный ряд, которым обросло это слово, став этнонимом. И до сих пор следы этого исконного значения мы неоднократно встречали на Западной Украине,

особенно в сельской местности в значении «москаль» – это не этноним, а просто приезжий, т.е. чужой, а для многих жителей Львова, Тернополя, Ивано-Франковска и других городов Галиции – это человек, говорящий по-русски или на суржике, например, харьковчанин, киевлянин или одессит.

В этой связи особого внимания заслуживает фраза, о которой уже шла речь выше, – *Згинуть наші вороженки*» (в редакции 2003 г. – *воріженьки*), як роса на сонці, рождение которой опять-таки инспирировано текстом панславянского гимна словака С. Томашика «*Hej, Slováci*». Как уже упоминалось, его вольный перевод существует во всех славянских языках, однако образность этого текста у разных народов своя: словацкий текст: *toho Parom zmetie* – т.е. «черт» (эта лексема этимологически восходит к славянскому языческому богу Перуну и до сих пор употребляема во фразеологических единицах современного словацкого языка), в русской переводной вариации данный образ передается как: *Проклят будь, кто в это время мыслит про измены* или *С нами Бог, а кто не с нами, тот падет позорно*. В белорусском варианте: *Ў пекле хай загіне*, в польском – *Czarna ziemiо, pochłоń tego, kto zdrajdcą narodu*, в чешском: *Černá zem, prohlti toho, kdo odstoupí zrádně*, а в болгарском переводе использована личная форма глагола: *И готови сме да смажем всеки похитител*. Однако П.П. Чубинский в своем стихотворном произведении переложил эту фразу на весьма узнаваемый в украинском фольклоре и народной культуре образ-символ росы, который, однако, слабо понимаем носителем русского языка [см. библиографию].

Малоизвестным фактом до сих пор остается и то, что поэтическое художественное произведение П.П. Чубинского первоначально представляло собой более пространственный текст, не вошедший в официальную версию современного гимна. Строки этого полного варианта стихотворения также подлежат особому историческому и лингвокультурологическому анализу и комментированию.

Следует упомянуть и о Валуевском циркуляре 1862 г., после которого было полностью запрещено печататься и издавать литературу на украинском языке. За свой текст, созданный в духе традиций того времени, за фразу «*Ой, Богдане, Богдане, дорогой гетьмане, На-що віддав Україну москалям поганим?*», а также и за начальную фразу *Ще не вмерла Україна*, которая в свете сугубо негативного отношения Царской России к восстанию под предводительством Т. Костюшко представлялась официальным российским властям крамолой, политической провокацией, П.П. Чубинский был на 7 лет был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию («за вредное влияние на умы простолюдинов») [Драгоманов/Dragomanov: 1937, с. 236]. Выйдя из строгого заключения, но оставшись на принудительном поселении, он начал заниматься этнографией, бытом, географией, культурой, историей Русского Севера, изучая и описывая его самобытность. Чубинский организывает три этнографические экспедиции по северным регионам России, результатом чего стали 7 томов исследовательских работ «Труды этнографо-статистической экспедиции в западно-русский край», за что автор был удостоен золотой медали на Международном конгрессе в Париже, а также золотой и серебряной медалей Русского географического общества. Будучи редактором газеты «Архангельские ведомости», он публиковал в них свои статьи, заметки, работал секретарем Архангельского статистического комитета и руководил

переписью населения Архангельской губернии, работал заведующим городской публичной библиотекой [Драгоманов/Dragomanov: 1937, с. 24].

П.П. Чубинский был неординарной разносторонней личностью: его интересовало в буквальном смысле все – от экономики до этнографии приполярного края. Названия его работ говорят о его энциклопедическом уме и многогранности его интересов: «Народонаселение города Архангельска», «Празднование столетней памяти Михаила Васильевича Ломоносова в Архангельской губернии», «Обозрение главнейших ярмарок Архангельской губернии», «Вятско-Двинская дорога», «Несколько слов о народном образовании», «Отчет о льноводстве и льняной торговле в Северном районе», «О состоянии хлебной торговли и производительности в Северном районе» и многие другие. Одновременно, будучи юристом, он работал судебным следователем в Пинеге.

И помимо своих заслуг в исследовании Русского Севера он вошел в историю украинского народа как автор строк современного гимна Украины

Вернувшись из ссылки в Киев, П. П. Чубинский писал: «Я работал на Севере без усталости и доказал мою любовь к русскому народу» [Куратов/Keratov: 2001, с. 381]. А через столетие уже Д.С. Лихачев писал: «...чем Север не может тронуть сердце каждого русского человека, – это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, – он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре» [Драгоманов/Dragomanov: 1937, с. 572]. По сути, судьбу украинца П.П. Чубинского можно сравнить с судьбой самого Д.С. Лихачева (с разницей в столетие), который, оказавшись в ссылке на Соловецких островах, как думающий и творческий человек также заинтересовался Русским Севером, его культурой и бытом северных народов, проживавших на территории России, как и автор сегодняшнего украинского гимна, сосланный в Архангельскую губернию при царском режиме.

Итак, современный гимн Украины содержит в себе значительное количество (полу)скрытых, символических образов, метафорических ассоциаций и символики, говорить о которых подробнее не позволяет объем настоящей статьи. Мы лишь рассмотрели несколько фоновых исторических, культурологических и лингвистических фактов, которые способствуют более глубокому пониманию художественного произведения, ставшего прецедентным не только в украинской культуре, но и в русском современном дискурсе как маркированный интертекст внутри иноязычного межкультурного пространства. Возникновение данного текста во многом связано с ростом национального самосознания и активным ростом движения за национальное возрождение как в Европе в целом, так и в большинстве славянских стран. При его создании автор – П.П. Чубинский – нередко использовал уже сформировавшиеся образы и метафоры, встречающиеся в аналогичных текстах народно-патриотического характера, написанных в тот же исторический период.

Тексты гимнов разных народов часто заключают в себе значительное количество смыслов, подчеркивающих национальный, патриотический характер, которые отражали историческую и культурологическую основу определенной нации (здесь речь идет об украинской). Это, так сказать, особый литературоведческий жанр, который требует отдельного внимания, изучения и наличия особой методологии исследования.

В заключение подчеркнем, что данный вид художественных (литературных) произведений, которые приобрели статус национального символа, включает в себя не только конституционно закрепленный и утвержденный на государственном уровне текст, но также и тексты, которые в рамках национального самосознания заключают в себе целый ряд патриотических смыслов и выражают особенности «духа нации», что, в свою очередь, влечет за собой возникновение целого ряда культурологических кодов и ассоциаций. В качестве примера достаточно привести слова ставшего в 2014 г. официальным гимном Киева – киевского вальса «Як тебе не любити, Києве, мій», или неофициального гимна Украины, который наравне с официальным является символом украинского народа, а именно – текст на слова Т.Г. Шевченко «Реве та стогне Дніпр широкий».

Официальные и неофициальные гимны несут в себе не только политический смысл, но в них заложены исторические, культурологические и фоновые коды, а их тексты дают филологу и лингвисту повод для их анализа и детальной интерпретации.

Литература

- Драгоманов М.П. (1937), *Вибрані твори* // М.П. Драгоманов. Т.1. Прага. С. 74.
- Драгоманов М.П. (1991), *Вибране* // М.П. Драгоманов. Київ. С. 238.
- Закон України (2003), *Про Державний Гімн України* // Відомості Верховної Ради України. № 24. Київ, С. 163.
- Князькова В.С. (2019), *Языковые средства передачи чешской и словацкой идентичности в тексте транснационального романа и его переводе* // Славянский мир: язык, литература, культура. Материалы международной научной конференции. Москва, 2019. С. 73–80.
- Куратов А.А. (2001), *Чубинский Павел Платонович* // Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского севера. Архангельск. С. 439.
- Кузнецова И.В. (2012), *Устойчивые сравнения о магической практике* // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Ročník 81 (2012), sešit 3. Praha. S. 326–341.
- Раина О.В. (2010), *Славяне в неславянских странах* // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург. С. 85–88.
- Савченко А.В., Хмелевский М.С. (2008), *«Здаревеньки були!»*, или к вопросу о лексической трансплантации (русско-украинские параллели в национально-культурном дискурсе) // Материалы международной научно-практической конференции к юбилею д.ф.н. проф. А.М. Мелерович. Москва-Кострома, 2008. С. 615–619.
- Словник української мови (1977) // СУМ-11; Ін-т мовознавства: в 11 т. Київ. 881 с.
- Фразеологічний словник української мови* (1993) // Ін-т укр. мови АН України: в 2 т. Київ. 528 с.
- Ющук І. (1996), *Іван Франко і національно-визвольна боротьба сербів у 70-х роках ХХ ст.* // Иван Франко и Срби. Издавање поводом 150-годишњице рођења Ивана Франка. Нови Сад. С. 50–60.
- Đukanović M. (2015), *Poglavlja iz slovenačke kulture*. Beograd. S. 49–54.

Bibliografia po transkrypcji

Dragomanov M.P. (1937), *Vybrani tvoriv* // T. 1. Dragomanov M.P. Praha.

Dragomanov M.P. (1991), *Vybrane* // Dragomanov M.P. Kyiv.

Dukanović M. (2015), *Poglavlja iz slovenačke kulture*. Beograd.

Frazeologichniy slovnyk ukrainskoi movy (1993) // Kyiv.

Knyazkova V.S. (2019), *Yazykovye sredstva peredachi cheshskoi i slovatskoi identichnosti transnacional'nogo romana i ego perevode* // Slavyanskiy mir: yazyk, literatura, kultura. Moskva.

Kuratov A.A. (2001), *Chubinsky Pavel Platonovuch* // Pomorskaya enciklopedia. T. 1. Istoria Archangelskogo severa. Archangelsk.

Kuznetsova I.V. (2012), *Ustoichivye sravnenia v medicinskoi praktike* // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Ročník 81, sešit 3. Praha. S. 326–341.

Raina O.V. (2010), *Slavyane v neslavynskikh stranach* // Vestnik Sank-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Sankt Peterburg.

Savchenko A.V., Khmelevskiy M.S. (2008), «Zdaravenki buly!», ili k voprosu o leksicheskoi transplanacii (russko-ukrainskie paralleli v nacionalno-kulturnom diskurse) // Moskva-Kostroma.

Slovnyk ukrainskoi movy (1977) // SUM-11. Kyiv.

Yuschuk I. (1996), *Ivan Franko i nacionalno-vyzvolna borotba serbiv u 70-ch rokach XX st.* // Ivan Franko i Serbi. Izdavanje povodom 150-godishnice rodenia Ivana Franka.

Zakon Ukrainy (2003), *Pro Derzhavnyi gimn Ukrainy* // Vidomosti Verchovnoi Rady Ukrainy. № 24. Kyiv.

Streszczenie

Tekst współczesnego hymnu Ukrainy jako historyczno-kulturologiczny kod lingwistyczny

Artykuł zawiera lingwistyczną i kulturologiczną analizę tekstu współczesnego hymnu Ukrainy: zawartej w nim leksykalnej obrazowości i metaforyki; ponadto przedstawiono tło historyczne jego powstania oraz opisano „portret” osobowości autora – P.P. Czubińskiego, który odegrał ogromną rolę zarówno w umacnianiu ukraińskiej świadomości narodowej, jak i w rozwoju rosyjskiej historiografii i etnografii. Szczególną uwagę poświęcono aspektom lingwokulturologicznym pomocnym w zrozumieniu sensu i istoty tekstu wiersza, który stał się jednym z symboli niezawisłej Ukrainy, a częściowo – również precedensowym fenomenem we współczesnym dyskursie rosyjskim. Przedstawione w artykule zagadnienie rozpatrywane jest także w kontekście kultury ogólnoeuropejskiej – francuskiej, polskiej, rosyjskiej, słowackiej, serbskiej i chorwackiej, bez której nie sposób pojąć głębi tego tekstu, utkanego z mnóstwa historyczno-kulturologicznych panslawistycznych asocjacyjnych odsyłaczy, ukrytych pod każdym wersem tekstu tego zaprawdę unikalnego utworu literackiego. Omówieniu powyższych kwestii poświęcone jest niniejsze dociekanie.

Słowa kluczowe: hymn Ukrainy, historia powstania, P.P. Czubiński, tekst precedensowy, język ukraiński, języki słowiańskie, kulturologia

Abstract

The Text of the Modern Ukrainian Anthem as a Historical and Cultural Linguistic Code

Given article represents linguistic and culturological analysis of the Ukrainian National anthem, among others its lexical peculiarities and imagery as well as metaphorical system. This analysis is given on the historical background, which influenced the origin of the text of the Ukrainian anthem, and the main “portrait” of the personality of its author – P. P. Chubinsky, who played an important role both for the consolidation of Ukrainian national identity, and for Russian historiographic and ethnographic science, is described. Particular attention in the article is paid to the cultural and linguistic aspects, which make it possible to understand meaning and essence of the text, that has become one of the main symbols of independent Ukraine, and partly precedent phenomenon in contemporary Russian discourse. In the study this question is also examined in the wider context of the pan-European culture: French, Polish, Russian, Slovak, Serbian, Croatian, without which it is impossible to comprehend the sense of depth of this text, woven from the many historical, cultural and pan-Slavic associative references and allusions hidden under each line of this a truly unique work of art. The present study was undertaken to answer these questions.

Keywords: Ukrainian national anthem, history of creation, P.P. Chubynsky, precedent text, the Ukrainian language, Slavic languages, Cultural Studies